

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская

Сестра Марина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634865

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

«И – странно! – что-то словно ударило в эту минуту в самое сердце Нюты. И удар этот прошел магическим током по всему ее существу. Прежняя Нюта точно исчезла, скрылась, провалилась сквозь землю, а на месте ее появилась новая Нюта, и не Нюта даже, а сестра Марина Трудова, принявшая свое первое боевое крещение в этот слезный, хмурый, осенний день.

Эта Марина Трудова держала теперь ногу больного, не обращая внимания на стоны и вопли мужика, затягивала концы марли, сдерживавшей лубки у щиколотки, потом подавала лекарство, отсчитывала капли успокоительного средства для особенно нервничавших больных».

Содержание

ГЛАВА I	4
ГЛАВА II	15
ГЛАВА III	24
ГЛАВА IV	33
ГЛАВА V	41
ГЛАВА VI	54
ГЛАВА VII	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лидия Алексеевна Чарская

Сестра Марина

ГЛАВА I

В доме генеральши Махрушиной встают поздно. Даже прислуга позволяет себе некоторую роскошь – подниматься не раньше восьми часов. Поэтому, когда на больших бронзовых, в виде скачущего рыцаря, часах на камине в гостиной пробило шесть, в огромной, роскошно обставленной барской квартире все еще спят крепким сладким утренним сном.

Только в дальней, находящийся в самом конце коридора, комнатке, – в «Нютиной келье», как ее называют домашние, – наблюдается некоторая жизнь.

Электрическая лампа, под абажуром, в углу, освещает комнату. Все здесь просто и уютно: небольшой диван, кожаные кресла, круглый столик, этажерка с книгами, узенькое трюмо в углу, за ширмой умывальник и кровать. На полочках и стенных этажерочках – бюсты великих людей: Пушкина, любимого Нютиноного поэта, Гете, Шекспира.

Сама Нюта, тоненькая, стройная, невысокого роста девушка, с очень худеньким, бледным лицом, которому мертвенный свет электричества придает несколько болезненный

оттенков, с большими детскими, как бы что-то ищущими, пытливыми глазами под нахмуренными линиями темных бровей, с небрежно закрученным на затылке белокурым узлом непокорно вьющихся волос, стоит на коленях посреди комнаты над раскрытым ручным саквояжем. Тут же, подле нее, на диване, разложены две-три смены белья, необходимые принадлежности туалета, запасная блузка из темного люстрина для каждого дня, пара мягких туфель, полотенце, небольшая подушка-«думка» и маленький серебряный образок – благословение покойной матери.

Нюта, сосредоточенно хмуря темные брови, убирает дрожащими руками вещи в саквояж. Она заметно волнуется... Надо поспеть, во что бы то ни стало, с уборкой, пока не проснутся в доме... Не дай Бог, если кто-нибудь увидит... Хоть одна душа... Донесут, и тогда все пропало, все...

Эта мысль ударяет как молотом в белокурую головку девушки, бросает пятна румянца на ее худенькое лицо, с несколько крупными большими бледными губами.

– Господи, помоги мне! – шепчут эти крупные бледные губы, а дрожащая рука усиленно крестится быстрыми мелкими крестами...

Наконец все готово. Необходимые принадлежности багажа исчезли в глубине ручного саквояжа, и Нюта, с легким вздохом самоудовлетворения, поднимается с колен.

– Теперь одеться скорее и... и с Богом!

Она подходит к трюмо. Гладко отполированная поверх-

ность зеркала отражает тоненькую, худенькую фигурку в изящном (о, слишком даже изящном, к глубокому огорчению Нюты!), сшитом по последней моде, платье, делающем ее похожей на барышню из аристократического дома.

Нюта смотрит на свое нарядное платье, с вычурным фасоном, и горькая усмешка скользит по ее губам, когда она шепчет:

– Еще бы! Нельзя было сделать хуже, нежели у Женни. О, эта педантичная справедливость tante Sophie!.. Сколько стоила она мне слез и горя! Ведь не любовь это, нет, а боязнь, чтобы свет (ах, этот свет!) не подумал: «родную дочь балует и любит, а племянницу держит в черном теле»... Слава Богу, скоро... скоро теперь... сейчас избавлюсь от всего этого... Никого, никого не жалею, только Марину... Милая она... Но чем же рискует Мариночка?.. Душа моя! Отплачу ли я тебе когда-нибудь за все это!..

Зеркало отражает взволнованное бледное лицо, дрожащие губы и блестящие слезами серые глаза. Нюта проворно смахивает слезы, надевает шляпу... Шляпа эта – темного фетра с большим страусовым пером.

Слишком нарядная шляпа...

Но что делать?! Она выбрала самую скромную. Другие – еще наряднее, светлее. Эта хоть темного цвета, и то спасибо. Ах, тетя, тетя!

Шляпа заколота... перчатки надеты... Длинный, покроя сюртука, английский жакет прикрыл тоненькую миниатюр-

ную фигурку. Саквояж в руках.

– Теперь, живо!

В последний раз Нюта окидывает глазами свою «келейку», небольшой диван, на котором так сладко грезилось с томиком поэта в руках, письменный стол, бюсты любимых классиков... Милая келейка! Как трогательно отстаивала ее независимость Нюта, когда генеральша Махрушина хотела во что бы то ни стало устроить гнездышко племянницы по образцу комнаты ее дочери, высокой вертлявой светской барышни Женни. Вся энергия Нюты обратилась тогда в один протестующий вопль. Пусть мучат ее самое, Нюту, модными покроями костюмов, изысканными фасонами шляп, но не уродуют ее «келейку» ненужными, бьющими на эффект, украшениями, булями, столиками. Ей нужен свет и уют, и больше ничего.

Она подходит к столу, берет с него записку написанную еще накануне с вечера, и шепотом читает ее:

«Дорогая тетя! Не сердитесь, умоляю вас, на вашу злую, неблагодарную Нюту. Но такая жизнь мне больше не по плечу... Я уезжаю к бабушке в „Иринкино“... Забудьте меня. Благодарю вас и Женни за все, что вы сделали для меня.

Нюта».

Прочитав записку, она кладет ее на прежнее место и легким призраком, на цыпочках, проскальзывает в дверь.

Тихо в коридоре... И во всей квартире тихо, как ночью...

Робкий шелест Нютиных юбок едва-едва нарушает эту тишину. – Скорее! Скорее!

Сердце Нюты стучит так громко, что, кажется, готово поднять на ноги весь дом. Румянец то приливает к лицу, то отливает к сердцу. Шум в голове, стук в висках и неприятная сухость в горле.

Слава Богу, коридор пройден. Сейчас гостиная, большая зала и японский будуар Женни. Если кто-нибудь из прислуги производит в этот ранний час уборку комнат, о... тогда – горе ей, Нюте... Ее задержат... Пойдут будить tante Sophie... Начнутся упреки, обмороки... истерики... слезы... Нет! Нет! Невозможно!.. Сердце вдруг перестает биться в груди Нюты... Она стремительно распахивает дверь...

В тот же миг что-то теплое, мохнатое, огромное бросается на нее.

Громкий крик испуга готов сорваться с уст девушки. Но она вовремя подавляет его.

– Турбай! Голубчик! Не узнал, глупый!

Ее дрожащие руки обхватывают мохнатую шею и прижимают к груди огромную голову геркулеса-нюфаундленда.

– Милый! Милый! Один ты любил меня здесь! Один, голубчик! Прощай, Турбаинька! Уходит Нюта! Навсегда ухо-

дит от тебѧ!

Е. Самокинь-Гудковская.

Умные, преданные глаза собаки поблескивают в осенней утренней мгле гостиной. Горячий влажный язык уже успел облизать лицо, волосы и руки девушки. Собака тихо визжит, точно понимая, что лаять нельзя.

Когда Нюта, нацеловав вволю, сквозь слезы, мохнатые бело-черные уши и такую же пеструю голову, скользит по направлению к передней по длинной анфиладе комнат, Турбай, бесшумно ступая огромными мохнатыми когтистыми лапами по коврам, идет вслед за нею.

В передней – большой красной, под «адское пламя» комнате, с оленьими рогами, вместо вешалок, и головами-чучелами лосей по стенам – Нюта останавливается, еще раз гладит Турбая и неожиданно распахивает входную дверь. Распахивает и захлопывает сразу. Этот неожиданный маневр наполняет негодованием преданное собачье сердце.

До сих пор четвероногий друг еще надеялся, что его молоденькая хозяйка возьмет его с собою в этот ранний час. Но, обманувшись в своих ожиданиях, Турбай громкими негодующими звуками заявляет свой протест...

Теперь он уже не стесняется больше. Громкий неистовый лай огромного животного наполняет сразу весь дом.

Турбай лает ожесточенно, изо всех сил, всем своим существом. Эти жуткие звуки несутся вслед за Нютой, с отчаянной стремительностью сбегаящей с лестницы.

– Силы небесные! Он разбудит весь дом!

Миниатюрная фигурка прыгает через три ступеньки вниз, затаив дыхание, прислушиваясь к тому, что происходит за нею.

– Скорее! Скорее!..

Швейцар Модест, почтенный старик с большой серебряной медалью на шее, успевший только что выпить стакан кофе, подмести лестницу и накинуть ливрею, с удивлением оглядывает барышню.

– В такой ранний час и одна? Куда могла собраться в такую рань генеральская племянница? – является невольно мысль в голове старика. – Не мало не много, а ведь едва лишь пробило семь часов.

– Доброго утра, барышня, – говорит он своим несколько хриплым голосом.

– Здравствуйте, Модест! – отвечает Нюта. Голос ее срывается и дрожит. Что, если остановит, не пустит, позовет прислугу? Что, если догадается старик?

Ей уже кажется, что глаза Модеста как-то особенно подозрительно впиваются ей в лицо, а губы точно складываются для того, чтобы спросить – «Куда это в такую рань собрались, барышня?»

Но волнение Нюты преждевременно. Ее страх напрасен.

Модест предупредительно распахивает перед нею дверь и, косясь на ручной саквояж, бросает лаконическую фразу:

– Прикажете извозчика кликнуть?

Нюта вздрагивает всем телом.

– Нет! Нет! Я сама. Не надо.

И как-то боком протискивается в дверь и быстро-быстро выбегает на улицу.

На улице осенний дождь, слякоть. Лужи воды на тротуарах. Утренний рассвет, мглистый и неприятный. В ближайших булочных свет. На углу дремлет с гнедой лошаденкой извозчик.

Но нанять его нельзя на виду у Модеста. Модест услышит, куда его наняли, донесет...

Надо пройти еще немного, завернуть за угол.

Нюта робко оглядывается. Модест стоит у подъезда, смотрит ей вслед и качает головою. Или это так кажется, что качает головою?..

– Извозчик, вы знаете N-скую улицу?

– Чего-с?

Дрожь охватывает снова все тело Нюты. Что, если Модест слышал, куда она нанимает возницу?..

Этот последний с изумлением смотрит на нарядную барышню, говорящую ему «вы».

– N-скую улицу вы знаете, извозчик?

– Семь гривен, – вместо ответа выпаливает тот.

– Да... да... Только, пожалуйста, везите поскорее.

– Духом. Не извольте сумлеваться, барышня. Одна нога здесь, а другая там.

Извозчик веселый, жизнерадостный старикашка, но Нюте кажется почему-то подозрительной эта веселость. Что, если

он в заговоре против нее с Модестом, tante Sophie, со всем миром?

– Какой вздор! – тут же успокаивает себя девушка. – Все предусмотрено... Я не доеду до места, пройду пешком... И потом, ведь Нюта Вербина исчезает с этой минуты и до нее доберутся не скоро... Ведь едет не Нюта, а Марина Трудова... Чего же я боюсь? Право, смешно!

И вздохнув задержанным нервным вздохом, Нюта прыгнула в пролетку и скрылась под ее крытый верх.

ГЛАВА II

– Будьте добры сказать, как пройти в квартиру госпожи начальницы?

Дворник, несший лохань с помоями по двору, приостановился на минутку.

– Вам к Ольге Павловне?

– Да.

– Идите все прямо по мосткам, садом. Налево, у главного здания, дверь. На дощечке прочтете. Подле глазного барака.

Дворник снова зашагал по грязи, а Нюта пошла по указанному ей пути.

В саду царит мертвящая душу осень.

Полуобнаженные, с пожелтевшей листвой, стоят деревья, полные тоски и осенней грусти.

Голодные вороны с жалобным карканьем реют над верхушками могучих и жалких в то же время лип и дубов. Мелкий дождь моросит тоскливо, нудно.

В углу сада – качели. Дальше скамейки для барачных больных, которые в теплую летнюю пору выходят из своих отделений подышать свежим воздухом.

По настланным через двор и сад деревянным мосткам Нюта пробралась к главному флигелю. В углу приветливо сияет медная дощечка поверх клеенчатой двери. На дощечке надпись:

Ольга Павловна ШУБИНА

Еще несколько быстрых шагов, и Нюта у двери.

Робкий, чуть слышный звонок... Биение сердца... Шум шагов за дверями – и на пороге появляется пожилая горничная, в белом фартуке и с белым же чепчиком на голове.

– Ольга Павловна принимает?

Когда Нюта говорит это, ее пальцы конвульсивно впиваются в ручку саквояжа и сердце перестает стучать, замирая в муке ожидания.

– Пожалуйста, барышня. Барыня сию минуту делают обход барачков; через полчаса вернутся. Потрудитесь войти, обождать.

Горничная обдаёт Нюту ласковым взглядом. Ее изысканный костюм, шляпа с страусовыми перьями, и бледное, бледное, взволнованное лицо возымели свое действие на старую служанку.

Таких посетительниц не часто встретишь в квартире начальницы гТской общины сестер милосердия.

– Должно родственница Ольги Павловны из дальних, – решает горничная и, особенно заботливо сняв с молоденькой посетительницы ее щегольской жакет-сюртук, вводит ее в приемную.

– Вот здесь, барышня, потрудитесь обождать. Когда барыня вернутся с обхода, я доложу о вас.

И шурша юбкою, она выходит из комнаты. Нюта остается одна.

Робким взором окидывает она незнакомую ей обстановку. Чопорная старинная кожаная мебель, посередине круглый стол, на столе гигиеничная под зеленым абажуром лампа, вокруг нее журналы, газеты, преимущественно медицинского содержания. Тут и «Врач», и «Врачебные Известия», и «Первая Помощь». В углу пианино, с откинутой крышкой, и книжный шкаф.

Жесткое кожаное кресло с прямой спинкой кажется очень неудобным. Нюта сидит в нем, вытянувшись, как стрела. От бессонной ночи и раннего сегодняшнего вставанья голова у нее слегка кружится, в ушах звенит. Глаза слипаются помимо воли.

Она запрокидывает голову на жесткий переплет кресла и, поддавшись тихому настроению покоя, погружается не то в забытье, не то в сонные грезы еще не забытых переживаний души.

Снова, как из тихого безмятежного озера, болью наплывают милые детские сны. Крошечное именьеце-усадьба на берегу Волги, могучей и прекрасной, дом не дом, хатка не хатка, старая бабушка, мать – учительница в сельской школе... Милая мама! Такая упорная, стойкая в достижении своих целей, неутомимая в труде. Овдовела двадцати лет и осталась без гроша денег с дочерью-малюткой на руках. Поступила в учительский институт, сдав свою Нюту на руки старой матери.

У бабушки – бедность, почти нищета. «Иринкино» зало-

жено дважды. Хозяйство – в убыток. Едва перебивается бабушка, из сил выбивается мама... Не помнит этого Нюта, только по рассказам знает. Бабушка говорила о своей дочери, как о святой...

Еще бы не святая! Молоденькая, почти девочка, она уже бьется как рыба об лед ради семьи. Добилась. Кончила учительские классы, приехала в «Иринкино», выхлопотала себе тут же место в сельской школе. Нюта с этой минуты начинает свои сознательные воспоминания...

Крошечная усадьба, село, школа, старая седая хлопотунья-бабушка и молодое, вдохновенное, бледное лицо мамы – вот, что помнит Нюта из первой поры детства.

Подрастает Нюта... Ее, вместе с крестьянскими ребятишками, учит ее мать. Утро они проводят в сельской школе, а днем и в теплые летние вечера гуляют по широкой степи и в молодом березняке, близ оврага. На усталом лице мамы Нюта видит сверкающие звезды больших вдохновенных глаз.

Мама постоянно твердит своей Нюте в часы досуга:

– «Расти, учись, детка... Вырастешь, выучишься, станешь, как мама, учить других, помогать, чем можешь... Бедны мы, Нюточка. моя жизнь... Не можем пособить деньгами людям, отдадим же им то, что имеем – самих себя. Чем только можешь, приноси пользу людям, моя птичка; не покладая рук работай на них, дитя! Нет лучшего чувства на свете, как сознание, что ты не без пользы для других проводишь даро-

ванную тебе свыше жизнь...»

Не ограничивается своей учительской деятельностью мама... Ежедневно на дворе их маленькой усадьбы толчется серый деревенский люд. Это больные крестьяне, их жены и дети, приходящие ежедневно за помощью. Нютина мать умеет лечить. Самоучкой дошла она до того, чтением врачебных книг, и умеет подать первую помощь, лечить несложные болезни, ушибы, нарывы, лихорадки и прочее...

И Нюту она постепенно приучала к этому, зарождая в душе девочки желание быть полезной для людей.

Так жили они все трое, счастливые своей необходимостью окружающим.

Но вот грянул гром. Случилось несчастье. Над крошечной их усадьбой разразилась небесная гроза.

Нютина мать схватила пятнистый тиф, заразившись от больной крестьянки, за которой она ухаживала с истинной заботливостью сестры милосердия, и, прометавшись без памяти около недели, умерла.

Тяжело отозвалась эта смерть в душе Нюты. Ребенок едва не умер от горя.

Старая бабушка, потеряв одно близкое существо, напрягла все свои силы, чтобы удержать другое. Земский доктор, навещавший нервно заболевшую Нюту, твердил одно:

– Перемена обстановки, во что бы то ни стало и как можно скорее, иначе я не ручаюсь за ее жизнь.

Долго думала старая бабушка прежде, чем решиться на

единственный, возможный для нее, исход, и наконец решилась: собрала кое-какие крохи, сдала большой кусок земли в аренду крестьянам и повезла Нюту в Питер.

Много хлопот, тасканья по приемным влиятельных сановников, слез и унижения вынесла бабушка прежде, нежели ей удалось определить девочку в сиротский институт.

Добилась своего старая бабушка, устроила Нюту и, облив слезами бледное, испуганное личико девочки, уехала в свое «Иринкино» снова хозяйничать.

Быстрой, пестрой чередой пронеслись институтские годы, подруги... уроки... мечты о будущем в тени старого институтского сада... тихие, тайные беседы в темноте дортуаров... прерывистый шопот о «святой маме» и несмело высказанные надежды идти по ее стопам – вот, чем жила девочка Нюта... Сладкие воспоминания былого счастья, восторженные мечты о грядущем труде, – вот, чем было заполнено хрупкое существо белокурой, робкой, мечтательной юной институтки.

Во время летних вакаций, когда более счастливые из подруг разъезжались к родственникам, Нюта, с ее менее счастливыми подругами, отдавала большую часть времени занятиям, чтению и долгим душевным беседам.

Ехать в «Иринкино» к бабушке было невозможно. Дорога стоила дорого, да и самая жизнь в усадьбе представила бы теперь одни сплошные лишения для молодой девушки. Старая бабушка не хотела подвергать им девочку и решила не

брать больше Нюты к себе.

С этой целью она написала письмо генеральше Махрушиной, своей дальней родственнице, прося ее принять на себя попечение о сиротке Нюте.

Генеральша Софья Даниловна считала себя благодетельницей всего живущего на земле. Ее дом кишел приживалками, ее деятельность на почве благотворительности приобрела уже громкую известность. К тому же, единственная дочь вдовы-генеральши, Женни, скучала одна – и все это вместе взятое и заставило госпожу Махрушину принять тотчас по окончании института в свой богатый дом бедную девушку-сироту.

Прямо с институтской скамьи Нюта Вербина очутилась в кипучем водовороте светской жизни. Балы, театры, рауты, пикники, выезды с Женни и ее компаньонками в модные магазины, с визитами, на вечера и «журфиксы», – вот чем наполнилась теперь Нютина жизнь.

Тихая, робкая, застенчивая девушка, мечтавшая о труде, самоотверженной работе, невыносимо страдала. Одна за другой летели, разбиваясь вдребезги, ее недавние прекрасные мечты о служении на пользу человечества, и в душе Нюты закипали первые муки жестокого разочарования.

Не жалея денег, вся преисполненная желанием улучшить молоденькую девушку (которое она, кстати сказать, не забывала подчеркивать всем на каждом шагу), генеральша Софья Даниловна забросала Нюту подарками, безде-

лушками, всевозможными, ненужными девушке, мелочами. Она одевала племянницу так же роскошно и богато, как и собственную дочь, Женни, откровенно удивляясь при этом неблагодарности и нечуткости Нюты, которая нехотя принимала все ненужные ей безделки и изящные костюмы и не рассыпалась за них в благодарности перед теткой, не радовалась им.

Всегда тихая, угрюмая, сосредоточенная, Нюта мало соотвечествовала шумной, пустой праздничной жизни в генеральском доме.

Сама генеральша, вообразившая себя совершенно искренно благодетельницей племянницы, глубоко возмущалась этой последней. И многочисленные компаньонки и приживалки льстиво подчеркивали перед Софьей Даниловной свое справедливое негодование, неудовольствие Нютой. Все чаще и чаще слышались как бы случайно уроненные фразы, долетая до ушей молодой девушки:

– «Как волка ни корми – он все в лес смотрит». Или – «Чуткости, где ее нет, насильно не привьешь, матушка-благодетельница».

Нюта слышала, смущалась, но пока все еще не решалась действовать... Пока...

Новое, светлое воспоминание ярким светочем вспыхнуло в мозгу девушки: случайная встреча с Мариной Трудовой в японской гостиной Женни. Они сошлись и сдружились как-то сразу. С первого же взгляда Марина поняла все. И она

помогла Нюте. Помогла быстро, может быть чересчур рискованно и быстро, осуществить Нютины горячие мечты.

При одной мысли о способе этого осуществления яркий румянец зажег щеки Нюты. Ее веки, отягощенные дремотною тяготою, поднялись с усилием. Она широко раскрыла глаза.

ГЛАВА III

– Чем могу служить?

В двух шагах от кресла, на котором замечталась Нюта, стоит высокая худая женщина в темно-коричневом форменном платье, в белом переднике с нашитым на нем ярко-красным крестом на груди. На седеющих, гладко причесанных, волосах надета скромная белая косынка. И передник с крестом, и косынка – все это ослепительной белизны. Лицо тонкое, благородное, с орлиным носом и пронизательными светлыми глазами. Бледные сухие губы плотно сжаты. Густые темные брови придают суровое, несколько надменное, выражение пожилому лицу.

Нюта вскакивает с кресла. Румянец густыми пятнами бросается ей в лицо. Смущенно опускаются длинные ресницы, потом испуганно взмахивают снова. Глаза вспыхивают. Губы вздрагивают.

– Я бы хотела... я бы желала... очень желала бы поступить в вашу общину...

– Что?!

Темные брови сестры-начальницы поднимаются высоко. Глаза внимательно всматриваются в смущенное, все облитое горячим румянцем, молодое лицо.

– Что?

Дрожащим голосом Нюта повторяет:

– Я бы просила вас принять меня в число вверенных вашему попечению сестер... принять меня в вашу общину... Я хотела бы быть сестрою милосердия...

Начальница плотнее сжимает губы. Окидывает стоящую перед нею девушку пронизательным взглядом. Потом медленно покачивает головой.

– Этого нельзя сделать, mademoiselle, никак нельзя...

– Нельзя?!

Нюте кажется, что под ногами у нее раскрывается пол и что она летит в какой-то темный провал вниз головою. Неужели все кончено, все?! Слезы щекотят ей горло. Рыдание готово вырваться из груди. Но она делает сверхъестественное усилие над собой, подавляет слезы, готовые брызнуть из глаз, и говорит прерывающимся на каждом слове голосом:

– Почему, почему вы не хотите этого сделать?

Брови сестры-начальницы сдвигаются над блеснувшими недовольством глазами. Она мельком бросает взгляд на золотые часики, прикрепленные на груди. Времени у нее так мало, так убийственно мало, надо еще пройти в операционную, куда откомандировано несколько сестер для помощи операторам, и в амбулаторный прием. А эта худенькая девочка, в нарядной шляпе, так мало соответствующей монашескому строгому облику сестер, задерживает ее здесь пустыми, ненужными просьбами и болтовней. Досада!

Эта досада вспыхивает в глазах начальницы и отражается

в ее голосе, когда она говорит ледяным тоном, обращаясь к Нюте:

– Не хочу лгать, mademoiselle. В нашей общине недавно освободилась вакансия вместо умершей три месяца тому назад сестры. Волею высокой попечительницы приюта, дарованной мне, я имею право принимать в общину сестер по собственному моему усмотрению. Вакансия открыта, место есть, но... ни я, ни кто другой не решится привлечь вас, именно вас, mademoiselle, к нашему делу...

– Но почему же, почему! – скорее стоном, нежели вопросом, срывается с побледневших губ Нюты.

– А потому, mademoiselle, – звучит снова в ушах ее тот же бесстрастный, неподкупный голос, – а потому, что дело наше – великое, большое, трудное дело. Оно требует большой затраты здоровья и сил. Оно требует на каждом шагу самоотречения и жертв... Я должна сказать вам, что, пока вы дремали у меня здесь в кресле, я успела хорошо рассмотреть вас. Худенькая, слабая, бессильная, судя по внешности, разве вы сможете поднять взрослого больного?.. Вы должно быть нервны и малокровны...

– Нет! Нет! – помимо ее собственной воли вырывается из глубины души Нюты протестующий крик.

– Как «нет», mademoiselle! – еще больше нахмурившись, произнесла начальница. – Вам очевидно неизвестно, что жизнь сестры милосердия – сплошная мука... Бессонные ночи, уход за умирающими, гнойные раны, операции – уда-

ры по нервам каждую минуту... Вы, судя по внешности, барышня из общества и не справитесь с такой тяжелой задачей. К тому же вы болезненны и чересчур хрупки. Стало быть, об этом не может быть и речи. Если хотите приносить пользу, изберите деятельность благотворительности на другой почве. Учредите какой-нибудь новый комитет для бедных, устраивайте в пользу их концерты, вечера, спектакли, — вот вам мой совет. А теперь... извините меня, mademoiselle, мне надо идти, меня ждут.

И Ольга Павловна Шубина, вежливо поклонившись совершенно растерявшейся Нюте, направилась к двери.

Она почти дошла до порога комнаты, как неожиданно тихое, заглушенное рыдание донеслось до нее.

Начальница обернулась. Упав головою на стол, вся скорчившись в громоздком неуклюжем кресле, всхлипывала тщедушная, маленькая фигурка.

Ольга Павловна замерла на месте.

Все существо этой нарядной, светской по виду барышни выражало теперь столько искреннего, безотрадного горя, столько безнадежной муки чудилось в этом надорванном рыдании, что суровое, закаленное всякими душевными бурями, лицо начальницы невольно дрогнуло. Неслышными легкими шагами подошла она к Нюте, положила ей одну руку на плечо, а другою коснулась горячего лба девушки, заставив ее этим движением поднять голову и открыть залитое слезами, глубоко опечаленное лицо.

– Дитя мое! Дитя мое! – новым, совершенно иным, нежели незадолго до этого, голосом, заговорила Шубина, – в чем же дело? В чем дело, родная моя?

Этот преобразившийся, смягченный, почти материнскими нотами зазвучавший голос проник в самую душу Нюты, захватив ее всю женской ласковой волной.

В одну минуту девушка соскользнула с кресла, упала к ногам сестры-начальницы, схватила ее руки своими дрожащими ручками и залепетала, трепеща всем телом:

– Ради Бога... ради всего святого, выслушайте меня!.. Не отталкивайте меня!.. Умоляю вас не отталкивайте!.. Примите меня к себе!.. Если не в сестры, то хоть в сиделки... в прислуги, только не гоните!.. Не судите меня по внешнему виду... Я не белоручка. Нет! Нет!.. Я умею перевязывать раны, накладывать бинты, повязки... Я научилась этому еще в детстве, дома... в деревне... И затем в институте преподаватель гигиены учил нас оказывать первую помощь и ухаживать за больными... Испытайте меня, попробуйте только мои силы... О, я не слаба!.. Худа, правда, но это от тоски, от невозможности жить так, как хочется... О, я окрепну!.. С детства у меня было призвание к вашему делу... моя мать была такая же... она передала мне свою склонность... С детства я мечтала о том, чтобы посвятить себя уходу за больными... Я хочу быть сестрою, сиделкой, больничной прислугой, если надо... Только, только не гоните меня!..

СМОКВИН - ГВАКОВСКАЯ

И неожиданно на тонкую, сухую руку сестры-начальницы упал поцелуй, смоченный слезами.

Что-то снова дрогнуло в сухом, суровом лице высокой женщины, мягкое пламя зажглось в глубине ее глаз, пронизательных и строгих...

Рука начальницы невольно поддалась вперед, легла на плечи девушки.

– Встаньте, – произнес уже совсем мягко властный голос. Нюта повиновалась.

Сестра-начальница, не выпуская ее плеча, подвела девушку к столу, усадила в кресло. Сама пододвинула легкий бамбуковый стул.

– Как ваше имя? – произнесла она, не спуская глаз с лица Нюты.

Это лицо, бледное, как саван мертвеца, от только что пережитых волнений, вспыхнуло вдруг пурпуровым румянцем.

– Мариной Трудовой зовут меня, – послышался тихий, робкий ответ.

– Вы сирота?.

– Никого у меня нет на свете.

– Где вы жили до сих пор? У родственников? У знакомых?

Обливаясь потом, Нюта, прошептала:

– Я недавно кончила институт, потом поступила на пе-

дагогические курсы... Но захотелось другой деятельности... вашей... Она мне родная, близкая, мечта моей жизни... Мечта и цель...

Смушение сразу покинуло при последних словах молодую девушку. Лицо ее ожило, глаза заблестели.

Начальница еще раз пристально взглянула на нее, потом проговорила коротко:

– Ваш паспорт с вами?

– Да.

Нюта наскоро дрожащими руками отстегнула пуговицы лифа. На груди лежала черная книжечка. Она схватила ее как-то уж слишком быстро и подала начальнице.

– Вот.

«Марина Алексеевна Трудова, дочь статского советника, слушательница II курса педагогического института», – прочла начальница почему-то вслух.

Потом вернула книжку Нюте.

– Хорошо. Я оставляю вас в общине для испытания сначала, – произнесла она прежним сурово-деловым тоном, – если хотите, то сейчас же отведу вас в комнату, где вы поселитесь с тремя другими сестрами. Вы займете место умершей сестры. Вытрите слезы и идем.

– О, как вы добры! Благодарю вас от души! – произнесла Нюта.

– Подождите благодарить... Еще не время... Повторяю, мне нужны сильные, здоровые девушки и женщины... И ес-

ли тяжелая работа в общине вам окажется не под силу, не пеняйте на меня, я принуждена буду вернуть вас в свет.

И говоря это, Ольга Павловна Шубина двинулась из приемной, сделав знак Нюте следовать за нею.

ГЛАВА IV

Длинный, длинный коридор с каменным полом. По обе стороны его стеклянные двери с черными дощечками. На черных досках выгравированы белыми буквами названия покоев: «Амбулаторный прием», «Глазной прием», «Операционная», «Водолечебница», «Сыпной».

По дороге, Нюте и ее спутнице поминутно попадаются мужские и женские фигуры в длинных, от шеи до самых пят, белых передниках-балахонах. На головах женщин – белые же косынки. Все они низко кланяются сестре-начальнице, удивленными глазами провожают Нюту и пропадают, как призраки, за стеклянными дверями. Сплошной гул, похожий на звуки разгулявшегося морского прибоя, наполняет здание. Гул несется из-за стеклянных дверей.

– Это больные, – поясняет Ольга Павловна, поймав вопросительный взгляд Нюты. – У нас прием ежедневно, не считая воскресенья и праздников, от девяти до трех... Иной раз до тысячи в день перебивает всякой бедноты. Ну, вот мы и пришли, теперь направо.

Неожиданный яркий свет ударил по глазам Нюту. Полутемный коридор окончился. Она находилась теперь в огромной швейцарской, откуда начиналась широкая лестница, ведущая в общежитие сестер. Все время озираясь по сторонам, Нюта, следуя за начальницей, стала подниматься по крытым

узкой дорожкой-ковриком ступеням.

И тут, на лестнице, как и в коридоре внизу, им поминутно встречались женские фигурки, но уже не в белых докторских передниках до пят, а в одинаковых серых полотняных домашних платьях, с такими же фартуками и косынками, как и у сестры-начальницы. Впрочем, у некоторых из сестер были черные косынки, у других повязанные как-то странно, углом.

– Это «испытываемые», то есть принятые на испытание, точно так же, как и вы, – пояснила Нюте начальница, – у них черные косынки, и пока они не кончат теоретического курса знаний, требуемых для сестры милосердия, они не могут получить белой косынки и креста. А те, что носят косынки углом, – «курсистки», то есть сестры, уже занимающиеся с профессорами в аудиториях. Вам также придется посещать аудитории год, полтора, – произнесла Ольга Павловна, метнув неуловимым взглядом на Нюту.

Когда они поднялись на верхнюю площадку лестницы, Ольга Павловна остановилась перед стеклянную дверь, за которою сияли позолотой при свете осеннего утра иконостас, хоругви и образа.

– Это наша домовая церковь, – произнесла начальница, осеняя себя крестом, – а направо и налево идут помещения общежития, комнаты сестер. А вот приемная, где можно принимать родственников и знакомых, а там дальше, в конце левого коридора, лазарет сестер... Что, доктор, вы ко

мне? – неожиданно прервала свои пояснения Шубина, увидя спешившую к ним навстречу по коридору высокую фигуру в белом врачебном переднике-халате.

Пожилой, румяный и очень крепкий по виду старичок, с пегой бородкой, с симпатичным, сразу располагающим в свою пользу, лицом, подошел к Ольге Павловне.

– Я насчет сестры Есиповой... Надо бы ее перевести в общий барак... Дело дрянь...

– Что же?

Нюта взглянула на Шубину. Суровое, как бы замкнутое в самом себе, строгое лицо сестры-начальницы стало неузнаваемо.

Какая-то неуловимая черта страдания задрожала между складками рта и изгибом бровей. Глаза, спокойные и властно-строгие за минуту до этого, затеплились теперь огнем страдания и тревоги.

– Сестра Есипова очень плоха, не хочу врать, – объяснил старичок. – Сестрицу нашу угораздило схватить злейший тиф. Право, лучше перевести в барак, хлопот здесь больше с нею...

– Ни за что! – резким голосом произнесла Шубина, – ни за что, Валентин Петрович!.. Здесь и уход особый, и свой рядом, и я в случае надобности каждую минуту могу... Сегодня буду сама всю ночь дежурить у постели Наташи... А пока не надо ли чего?.. Вина какого-нибудь хорошего, подороже?.. Я пришлю...

Валентин Петрович развел руками.

– Слушаюсь и покоряюсь... Вам лучше знать... А насчет вина, пришлите ей токайского, – произнес он и, только тут заметив Ньюту, прибавил совсем уже другим тоном:.

– Ага, никак новенькая сестрица... Ну, будем знакомы, барышня, будем знакомы... Небось, на первых порах-то все занятно у нас кажется, а вот поживете маленечко, да поприглядитесь, может потянет и обратно домой, а?

– Сестра Трудова принята в разряд испытуемых, – прежним уверенно-спокойным тоном произнесла начальница.

– Доктор Козлов, – отрекомендовался добродушный старик, – а то и попросту Козел, с вашего позволения. Меня давно сестрицы в козлы произвели. Знаю и не обижаюсь. Козел, так козел. Говорят, зол я, бодаться здоров, особенно на репетициях по анатомии; отпасти, пожалуй, и правда... Впрочем, сами убедитесь... Так-с... Итак, будем знакомы. Нашего полка, стало быть, прибыло. Очень рад, очень рад!

И доктор с каким-то рьяным ожесточением потряс худенькую ручку Ньюты.

– Валентин Петрович, зайдите в лазарет и подождите меня там. Я сейчас отведу только новенькую сестру и пройду к Наташе, – произнесла Ольга Павловна и, кивнув головою Козлову, снова зашагала по длинному коридору, по обе стороны которого находились одностворчатые двери с черными дощечками, занумерованными белыми цифрами.

– Вот ваша комната, mademoiselle Трудова, – сказала сест-

ра-начальница, останавливаясь перед дверью, отмеченную номером десятым. Она уже хотела нажать ручку ее, как неожиданно дверь распахнулась настежь, и, столкнув с пути своего Шубину и Нюту, из комнаты выскочила маленькая, очень растрепанная, румяная и хорошенькая девушка, вернее девочка, с огромным чайником в руках.

Нюта успела только заметить густые завитки льняных, почти белых, волос, вздернутый носик, огромные, детски-наивные глаза, малиновый смеющийся рот и глубоко засевшие лукавые ямочки на пухлых, по-детски румяных, щеках. На ней было шерстяное коричневое, как у гимназистки, платье и черный передник с красным крестом на нагруднике. Белый воротничок и такие же батистовые каемки манжет украшали этот полу-школьный костюм.

Толкнув изо всей силы Шубину и Нюту и испустив испуганное «ах!» и, девушка с чайником бросилась бежать по коридору.

Она была уже у дверей, выходящих на площадку лестницы, как неожиданно резкий, строгий, ледяной голос Ольги Павловны остановил ее:

– Сестра Розанова, назад!

Нюта видела, как моментально замерла на месте маленькая юркая фигурка. Хорошенькое, детски-свежее личико стянулось в обиженную гримасу. Чайник описал неожиданный взлет в руках странной девушки, и она нерешительными шагами приблизилась к начальнице.

Суровым, почти жестким взором, пронизательным и долгим, начальница обвела остановившуюся перед нею в двух шагах фигурку.

– Что угодно, Ольга Павловна? – не то капризно, не то наивно прозвучал совсем детский голосок.

– Почему вы позволяете себе бегать так, простоволосой, без косынки, вопреки уставу? Сестра Розанова, отвечайте мне! – произнесла начальница.

Наивно взмахнули черные пушистые ресницы, синие глазки блеснули в полутьме, а звучный голос задрезжал наивно:

– Я не знала... я думала... право, я думала, что не попадусь вам навстречу, Ольга Павловна...

И лукавые глазки покосились в сторону Нюты, как бы ища поддержки.

Девушка была очень мила в своем шаловливо-наивном задоре. По крайней мере такой она показалась Нюте.

Но, очевидно, Ольга Павловна не разделяла мнения девушки. Ее брови свелись над переносицей, еще суровее и жестче стали черты.

– Премилый ответ, достойный школьницы приготовительного класса, а не взрослой девицы и притом сестры! Стыдитесь! Точно маленькой приходится делать вам замечание... Кстати, почему вы в парадном платье?

– Я выходила, Ольга Павловна... ненадолго...

– Без отпуска? Вы ведь не брали разрешения у меня...

Значит, у Марии Викторовны брали?

– И не думала...

– Стало быть, без спроса?

– Да, без спроса...

Упрямые складки залегли в обоих концах малинового свежего рта и придали ему сразу недоброе, почти злое выражение. Синие глаза вспыхнули ярче.

Шубина погрузилась взглядом в их сверкающую глубину и пожала плечами.

– Извольте изменить ваше поведение, Сестра Розанова, иначе, как ни грустно, а мне придется откомандировать вас куда-нибудь подальше. Очевидно, жизнь здесь, в столице, плохо влияет на вас... Помните же: еще одна такая отлучка без моего разрешения или разрешения моей помощницы, и мы принуждены будем расстаться. Помните, сестра, я предупреждаю вас в этом в последний ра...

Сестра-начальница не успела договорить последнего слова, как чайник выскользнул из рук белокурой девушки и с грохотом покатился по коридору.

Маленькие белые ручки Розановой схватили конец черного передника, поднесли его к лицу, и она громко, неудержимо, совсем уже по-детски зарыдала на весь коридор.

При первых же звуках этого всхлипывающего голоса, всюду, вдоль всего коридора, раскрылись, расположенные по обе стороны коридора, двери, и высунулись молодые, совсем юные, пожилые и старые лица в косынках на черных, русых,

белокурых и седых волосах.

– Что такое? Здравствуйте, Ольга Павловна! Что это, опять с Розочкой несчастье? Отчего Розочка плачет? Сестра Розанова, Розочка, кто обидел вас? – слышались полу-встревоженные, полу-испуганные голоса.

– Стыдитесь же! Идите в свою комнату и перестаньте плакать и срамить своими выходками меня и общину, вы, большое дитя! – строгим голосом произнесла начальница, быстро распахивая дверь десятого номера и почти силой вталкивая в нее плачущую сестру.

ГЛАВА V

Нюта вошла вслед за начальницей. Она с удовольствием оглядела большую светлую комнату с двумя широкими окнами, выходящими в сад. Полуобнаженные деревья сада, набережная реки, расположенная за высокой белой оградой, и самая река, подернутая осенним слезливым туманом, – вот что в первую минуту представилось ее взорам.

Обстановка комнаты поражала своей скромностью и изысканной, почти педантичной, чистотой. Четыре, застланные белоснежными пикейными одеялами, постели ютились вдоль стен, сомкнутые одна с другой изголовьями.

Большой платяной шкаф скромно возвышался в углу. Четыре маленьких ломберных столика с письменными принадлежностями – подвое у каждого окна, разделенные между собою этажерками. В противоположном углу, у печки, поверх застилавшего добрую четверть пола комнаты линолеума, – умывальник. Оттоманка и диван, покрытые кожей, четыре таких же, обитых кожей, кресла, отделенных от кровати низенькой ширмой. Туалет в одном из углов, белый кисейный, поражающий тою же изысканной чистотой, с венецианским зеркалом, без рамы на нем.

У письменных столиков – бамбуковые табуреты, у туалета – темный пуф. Посреди комнаты – небольшой круглый стол; над ним – висячая лампа.

На стенах картины – зимний пейзаж, тройка, мчащаяся в метель, и море, миниатюрная копия Айвазовского. Между окон огромный портрет двух очаровательных малюток, мальчика и девочки, лет четырех, улыбающихся и свежих, как маленькие херувимы.

При входе начальницы с поклоном поднялись сидевшие у стола за чайным прибором две женщины. Обе они были в костюмах сестер милосердия.

Одна высокая, стройная, лет 28, с правильными чертами измученного желтоватого, без примеси румянца, лица, красивыми грустными черными глазами, тонкой нитью пробора в густых пушистых, цвета вороненой стали, волосах.

Другая – широкоплечая, крепко сложенная, с очень некрасивым веснушчатым лицом, толстыми губами, маленькими, как бы заплывшими, глазками и гладко причесанными, почти прилизанными, волосами. Ей по виду можно было дать приблизительно лет тридцать, а то и все тридцать пять.

Увидев рыдавшую Розанову, черноглазая молодая женщина поднялась ей навстречу, протягивая руки:

– Детка, милая детка, о чем?..

Толстые губы старшей обитательницы десятого номера сложились в добродушную насмешку.

– Эвона! Опять! Ну, будет же нынче до позднего вечера море разливанное! Господи, помилуй мя! Хоть на уборку амбулатории, что ли, уйти? Здравствуйте, Ольга Павловна! – поворачиваясь всем корпусом в сторону начальницы, грубо-

ватым, как у мужчины басистым, голосом проговорила она.

И низко, совсем по-мужски, вторично поклонилась Шубиной.

– Здравствуйте, барышня, – таким же точно тоном приветствовала она и Нюту и отвесила ей точно такой же поклон.

– Сестра Кононова и сестра Юматова, – произнесла, ответив на поклоны толстухи и бледной женщины, начальница, – вот вам новенькая испытываемая сестра, вместо покойной Рудиной. Поручаю ее вашему покровительству Познакомьте ее с уставами нашей общины, научите всему, что надо делать на первых порах. С завтрашнего дня она с прочими испытываемыми начнет посещать лекции. А пока, до свиданья, сестры! Мне еще надо навестить больную сестру Есипову. Ей хуже сегодня, говорит доктор Козлов...

При последних словах, уткнувшись было в плечо черноглазой Юматовой, Розанова отпрянула от подруги и, обратив к начальнице залитое слезами лицо, проговорила, всхлипывая и обрываясь на каждом слове:

– Хуже Наташе? Вы сказали, хуже?.. Ольга Павловна!.. Сестрица, милая... позвольте, ради Бога, продежурить у нее сегодняшнюю ночь... Ради Бога! Я знаю... ей станет лучше со мною... Уж наверно знаю... Пустите только на сегодняшнюю ночь в сестринский лазарет! Да?

– Но ведь до трех ночи вы дежурите в тифозном бараке, сестра, – напомнила Шубина.

– Это ничего. Я сменяюсь в три ночи. Переоденусь и при-

ду к Наташе, – молил дрожащий, совсем еще детский, голосок.

– А когда же спать?.. – не меняя ни на йоту строгого выражения на суровом лице, спросила начальница.

– Спать? Ни-ни... На том свете все отоспимся вволю, – весело, сквозь слезы, рассмеялась девочка-сестра, играя всеми ямочками своего лица и блестя синими, как васильки, глазами.

Сухие костлявые плечи начальницы приподнялись немного.

– Хорошо, сестра Розанова. Я сама продежурю у Наташиной постели до трех. Ровно в четверть четвертого буду вас ждать для смены.

И сделав общий поклон, Шубина вышла из десятого номера, оставив Нюту одну завязывать новые знакомства.

* * *

– Садитесь-ка сюда, давайте знакомиться, – своим грубым, басистым голосом проговорила сестра Кононова, усаживая Нюту у стола. – Чаю, может, хотите? С утра, поди, от страха перед новой жизнью не евши, не пивши, а? Розанова, перестали хныкать?... Так тащите кипятку сюда. Да, глядите, косынку напяльте, милая, не то опять влетит по первое число... – добродушно обратилась она к хорошенькой сестре.

– И так сбегая... Прихорашиваться долго. Ушла наша ин-
флюэнца ходячая... Разве «козел» один шмыгает теперь по
коридору...

– Надень косынку, котик, – нежным грудным бархатным
голосом произнесла бледная Юматова и обдала хорошень-
кую Розанову мягким, ласковым взглядом.

– Для тебя, Елена, не только косынку, извозчиный кафтан
надену, вот что, солнышко ты мое райское!

И Катя Розанова, бросившись на шею бледной женщине,
принялась целовать ее.

– Ну, пошла-поехала. Теперь вплоть до ужина кипятку
не дождешься, – заворчала Кононова. – Нежностей у нее
этих самых полный карман. Да отпихните вы ее, сестра Юма-
това. Ведь, прости Господи, конца-краю ее лизанью не бу-
дет, – не то добродушно, не то с досадой продолжала она
ворчать, недоброжелательно косясь на девочку своими мед-
вежьими глазами, совсем заплывшими среди толстого, ды-
шавшего здоровьем лица.

Но Катя уже была у двери.

У порога она остановилась. Красивое личико ее в минуту
отразило невыразимый испуг, почти ужас.

– Батюшки мои! – в отчаянии всплеснув руками, шепнула
она, – что я натворила!.. Чайником нагрохотала, белугой ре-
вела, а у Наташи-то все слышно в лазарете! Ах, ты, Господи,
Боже мой!

И схватившись за голову, она юркнула за дверь коридора.

Все последовавшее затем время, с его новыми, ежеминутно сменявшимися впечатлениями, прошло, промелькнуло для Нюты сплошным стремительным сном. Она точно жила и не жила в одно и то же время... Казалось, что вот-вот, стоит ей только сделать усилие и проснуться, и она снова увидит роскошную квартиру tante Sophie, сладко вопрошающие лица ее многочисленных компаньенок-приживалок, оригинальное, японского типа, личико кухни Женни, большую пеструю гостиную, толпу гостей генеральши и донельзя наскучившие светские лица. Услышит пустую, банальную болтовню о скачках, о театрах, о новом теноре Мариинской сцены, о новом платье княжны Нины, о новой муфте какой-нибудь баронессы.

Время шло, а Нюта не просыпалась... Сон окутывал ее все плотнее, все глубже... Оцепляла цепким кольцом существующая действительность... Сон граничил с реальностью, и в душе Нюты умирал постепенно гнетущий ее страх.

Вернулась Катя Розанова, ликующая, задорная, шаловливая, как веселый котенок, и, сияя своими ямочками, заявила с уморительной гримасой на лице:

– Кушайте, сестрицы! Чай будет особенный. Я чуть Семочку впопыхах в коридоре этим самым кипятком не обварила.

– Вы с ума сошли, Розанова, что ли! – ударив по столу тяжелым кулаком, вскричала толстая Кононова. – Носитесь, как угорелая кошка, а нам всем после за вас отвечай...

– Полегче, сестрица, а то, неровен час, столик-то и сломаете, – хихикнула Катя. – Ишь, кулачок-то у вас какой благодарный.

– Малыш вы этакий, девчонка! – добродушно-презрительно пробасила толстуха.

– Ну, понятно, не мальчишка. Насколько мне известно, мальчишек в общину не берут. А Семочка-то и впрямь чуть горячий душ у меня не принял, – хохотала Катя... – Идет это он по коридору к Наташе в лазарет, фалдочками помахивает, усики в струнку, глазки за стеклышками горят, а я несусь... Берегись, кричу, а он – ноль внимания, фунт презрения. Развоображался очень. Невелика птица, – всего младший врач. Ну, я и налети на него на всем скаку. А он остановился, глаза выпучил, да и выпалил мне прямо в лицо: – «Вам бы, говорит, сестрица, в кавалерии, а не в общине быть. Вы, говорит, ведете себя, как казак, сестрица... Вам бы лошадь сюда».

– Ну, а ты что? – с трудом сдерживая улыбку на бледном усталом лице, спросила Юматова.

– А я ему – «Ничего, говорю, – я бы и не такую лошадь, как вы, объездила, у меня характер крутой».

– Ха, ха, ха! Так и отрезала? – расхохоталась басом Кононова и изо всей силы ударила Катю по плечу. – Молодец, котенок! Не суйся в нашу частную жизнь! Небось, в амбулатории, да в бараке все мы другие.

– Ай-ай, как больно! Ключицу сломала, Конониха! Силища этакая неопикуемая! – притворно простонала Катя, поти-

рая плечо, – ну, да пустое, чаем с вареньем залечу. Елена, есть у нас еще земляничное варенье?

– С утра-то, побойся Бога!

– Бога боюсь, но это не мешает мне адски хотеть варенья, А вы насчет этого как? – неожиданно обратилась к Нюте шалунья. – Да, кстати, как вас зовут? – спохватилась она.

– Ан... Ма... Марина Трудова, – несмело ответила та.

– Рада познакомиться. Сестра Марина, значит... А я, Розанова, Катя, еще Котик, еще Розочка... Как хотите, так и называйте. Впрочем, Котиком не смейте. Это исключительное право называть меня так приобрела сестра Юматова, Леля, мой друг.

– Ах!.. – неожиданно вырвалось у нее. – Господи, помилуй мя, грешную! Совсем забыла! Дежурная я в глазном нынче. Батюшки, Фик-Фок меня доймают своим вниманием! – Хде же это фи, милостивин хосударь, госпожа сестрица, мейн фрейлейн, пропадали... Я искаля вас по всем углам... и нигдэ не нашла вас ни капли, – скорчившись в три погибели, сморщив лицо и сощутив глаза, затянула в нос Катя.

Должно быть, веселая девушка очень походила на изображаемое ею лицо, потому что толстая Кононова прыснула со смеха, а на тонких губах бледной Юматовой появилась улыбка.

– Перестань, Котик, перестань!

– Улетаю. Прощайте, сестрицы... Передник только наде- ну... Чай с вареньем, так и быть, мысленно выпью и поцелую

вас также в душе. Новенькая, прощайте и вы!

Она быстро завязывала, стоя уже на пороге комнаты, длинный халат-передник, набрасывала на голову косынку, беспечно смеялась и вытанцовывала на месте какое-то замысловатое па, умудряясь проделывать все сразу, одновременно.

– Иду! Бегу! Не плачьте обо мне!

И юркнув было за дверь, снова просунула сквозь нее свою милую, всю в мелких кудрях, головку и розовое, ставшее вдруг неожиданно серьезным и печальным, лицо.

– Леля... Сестра Юматова... не забудь к ночи приготовить мне крепкого чаю, голубчик. Страх ко сну после дежурства клонит... А в три надо к Наташе идти... Припасешь, Юмат, чаю?

– Понятно. Иди уж, иди скорее!

Белокурая головка в белой косынке давно уже скрылась за дверью, а черные печальные прекрасные глаза Елены Юматовой все еще глядели ей вслед.

Нюта с усилием глотала чай, едва удерживаясь от дремоты.

Пережитые за последние дни волнения, бессонные ночи сделали свое дело. Ее веки слипались помимо воли; в какой-то неясный туман окутывались предметы в глазах.

– Спать хотите?.. Прилягте вот на диван, до завтрака далеко... Сосните... Господь с вами. Я вот свою подушку вам одолжу...

Точно сквозь сон увидела Нюта склоненное над нею лицо Юматовой... Черные ласковые, печальные глаза... грустную улыбку...

– Ложитесь, милая, не стесняйтесь...

Две тонкие, бледные, с голубыми нежными жилками, руки помогли ей подняться со стула. Другие подхватили ее и бережно довели до дивана. Нюта опустила, обессиленная, полусонная, на приятно холодившую ей затылок клеенку дивана.

Те же заботливые, нежные руки приподняли ее голову, подсунули под нее подушку и снова опустили на нее отяжелевшую головку девушки. Еще раз склонилось желтовато-бледное лицо над Нютой, темные, грустные глаза блеснули ей лаской, и... желанный сон распластал над нею свои благодетельные крылья.

Что было потом, Нюта помнит смутно. Сквозь сон, чуткий, но тяжелый, вследствие переутомления нервов, она слышала все же, как раскрывались двери комнаты номер десятый, как входили осторожно какие-то незнакомые фигуры в серых форменных платьях и передниках с красными крестами на груди и белыми косынками на головах.

Приходили, спрашивали о чем-то шепотом хозяйек «десятого номера», смотрели подолгу на спавшую Нюту, делились впечатлениями и снова уходили чуть слышным, едва шелестящим, как бы монашеским шагом.

Сквозь прижмуренные веки что-то красным светом заиг-

рало перед закрытыми глазами Нюты. Она мгновенно раскрыла глаза.

Лампа под красным абажуром, стоявшая на одном из письменных столиков, освещала комнату. Был вечер, может быть ночь... Сквозь темные шторы пробиралась осенняя мгла... Где-то, вдали, мерцали золотисто-красные точки зажженных фонарей.

– Проснулись, – услышала Нюта бархатистый нежный голос... – Долго спали. Отдохнули хорошо?

Девушка смутилась.

Как могла она спать так долго, целый день?!

– Который час? – робко осведомилась она, поднимая голову.

– Скоро шесть часов... Сейчас пойдем обедать... Сестра Кононова отпросилась в отпуск до вечера... Котик у Есиповой в лазарете, навестить пошла. А я вас караулила, чтобы не убежали, – заключила с легкой улыбкой сестра Юматова, глядя на Нюту.

Последняя с благодарностью взглянула на молодую женщину, так заботливо отнесшуюся к ней с первой же встречи.

При свете электрической лампы, прикрытой матовым розовым колпаком, в виде исполинского цветка мака, лицо сестры Елены казалось много моложе и свежее, нежели днем. Ее странная, особенная какая-то, одухотворенная красота поразила Нюту. Это было лицо мученицы, пережившей свои страдания и приблизившейся через них к Богу.

Что-то знакомое показалось в этом лице вдруг Нюте.

Смутная догадка мелькнула в освеженном долгим покоем мозгу. Глаза поднялись машинально к картине, на которой была изображена очаровательная пара детей-погодок.

– Какая прелестная картина! – произнесла вдруг девушка.

– Не правда ли? – и глаза Юматовой поднялись к портрету. – Когда-то эта картина была живою, воплощенною четою дорогих малюток. Это мои дети – с неизъяснимой любовью и нежностью произнесла сестра. – Они оба умерли от дифтерита, в один день, в один час, пять лет тому назад.

И черные печальные глаза Юматовой опустились вниз.

Острая жалость пронизала сердце Нюты. Теперь она поняла, откуда взялась эта чудная, одухотворенная, грустная красота во всем существе молодой женщины. И это сходство ее с детьми, изображенными на портрете, стало ей понятно.

Мать, потерявшая двух прелестных, любимых, родных малюток, сама такая молодая, такая хрупкая и прелестная, невольно своим видом трогала ее. Бедная, несчастная женщина! Что должна была она пережить! Какое горе!

– Бедная! – прошептали помимо воли губы Нюты, – как вы должны были страдать!

– Да... Это был ад... – произнесла Юматова, еще больше бледнея и волнуясь, – ведь я их потеряла в один миг!.. Вот в чем ужас!.. И как они страдали, бедняжки!.. Оба такие малюсенькие, такие терпеливые мученики-крошки... Мой муж чуть не помешался от горя, когда узнал... Он был на войне.

Я отправилась туда же сестрой-волонтеркой... Искала смерти... Бросалась на аванпосты перевязывать раненых, под самые пули... Страстно желала умереть... И что же?.. Осталась жива... Награжденная Георгиевским крестом, вернулась в Петербург здоровой и невредимой и по совету одной из наших сестер, бывших на войне, укрылась здесь, в общине, от своего горя, от лютых страданий...

– А муж?

– Убит на войне.

Нюта затихла, преисполненная уважения к чужому горю. Она казалась себе теперь такой жалкой, такой ничтожной в сравнении с этой женщиной, сумевшей так безропотно снести свой тяжелый крест.

Юматова сидела несколько минут молча, уронив на колени свои нежные, испещренные голубыми жилками, тонкие руки и задумчиво устремив подернутый глубокою грустью взор на портрет детей. Потом заговорила тихо:

– Вот все осуждают меня за мое влечение к Розочке... За баловство девочки... Но... поймите меня: я – мать. Судьбе угодно было отнять у меня мои сокровища... Я не могу жить без заботы о ком-нибудь родном, милком... Мои больные и Розочка заполняют теперь всю мою жизнь...

ГЛАВА VI

– Сестрица Юматова, к столу!

– Новенькая сестрица, пожалуйста обедать.

Дежурная по столовой девушка, проходя быстрым шагом по длинным коридорам общежития и стуча в каждый номер, приглашала сестер.

Вслед за этим захлопали двери, и из каждой комнаты, в одиночку, парами и группами, стали выходить серо-белые фигуры и спускаться по лестнице, ведущей к нижним коридорам, амбулаториям, квартире начальницы и столовой. Эта последняя представляла собою большую, продолговатую комнату с несколькими столами, составленными вместе, с накрытыми восьмьюдесятью приборами для сестер.

Состав N-ской общины содержал в себе вчетверо большее число членов. Но сестры частью находились на частной практике, частью были откомандированы в клиники и больницы или усланы в дальние города и санатории южных врачебных пунктов.

Когда Нюта вошла в просторную длинную комнату, венецианские окна которой почти касались земли, все головы сидевших за столом сестер сразу, как по команде, повернулись в ее сторону.

– Ишь, вылупились!.. И чего вонзились, спрашивается только? Вы на них не больно-то глядите. Фыркните, коли что

не так, – шептала подоспевшая к обеду сестра Кононова тихонько Нюте.

Та не успела ответить на слова своей новой знакомой, как над ее ухом послышался резкий голос:

– М-ле Трудова... Пожалуйте сюда. Я хочу представить вас моей помощнице, Марии Викторовне.

Нюта подняла голову. Перед нею стояла Шубина, а подле нее любезно кивавшая ей головой еще молодая, очень недурная собой, женщина лет 35–36.

– Вот, Марья Викторовна, наша новая испытуемая, – сказала Шубина, указывая на Нюту.

– Очень приятно, – ответила собеседница начальницы, подавая руку.

Ее губы с деланной любезностью улыбались Нюте, а глаза с неприятной пронзительностью в один миг обежали ее лицо, костюм, волосы, руки.

Нюте почему-то стало сразу неловко под этим взглядом. Она поспешила пожать руку помощнице и нерешительно остановилась посреди комнаты, не смея сама себе выбрать место за столом.

– Трудова, идите сюда к нам, здесь у нас все свои – теплые ребята... – услышала она в этот миг звонкий тенор уже знакомого голоса.

В конце стола сидела, подле сестры Юматовой, Катя и посылала по адресу Нюты веселые улыбки своего детски-шаловливого лица.

– Сюда, сюда! К нам поближе!

– Садитесь, что ж вы зеваете, мамочка, – и подоспевшая Кононова добродушно-грубовато подтолкнула Ньюту к указанному месту.

Нюта машинально повиновалась. Сидя подле резвой Розочки, болтавшей что-то с ее соседкой Еленой, она могла исподволь наблюдать кипевшую вокруг нее жизнь.

Дежурная по кухне сестра разливала суп из огромной миски за маленьким, в стороне стоявшим, столом.

Девушки-служанки разносили тарелки по приборам.

Сестра-начальница прошла к концу стола и, обернувшись к висевшему в углу, как раз против ее места, образу, прочла предобеденную молитву. Вставшие при первых же словах молитвы, сестры тихо, про себя, повторяли ее.

Потом все сели. Марья Викторовна – по правую сторону Шубиной. По левую – самая старая, древняя 86-тилетняя сестра Мартынова, прозванная «бабушкой» и живущая уже здесь в общине на покое.

Нюта взяла в руку ложку и принялась за суп. Ей, привыкшей к изысканно-тонкому столу, не могла никоим образом понравиться эта мутная, серо-желтая жижица, с крепкими, как камень, клецками и кусочками разварного жилистого мяса, в пол-ладони величиной, которые подавались под названием «супа» и «мясного блюда».

Не понравился ей и макаронный пуддинг с белой подливкой. И она уже хотела отказаться от молочного киселя, как

неожиданно слух ее уловил негромкий говор соседки по левую от нее руку.

– Удивляюсь я, сестрицы, – говорила смуглая черноволосая женщина, с длинным носом и цыганскими глазами, не лишенными своеобразной прелести, – удивляюсь я «светским» нашим. Идет, примерно, к слову сказать, к нам в общину всякая нервная барынька-заморыш, чуть живая малокровная барышня, а на что они нам, спрашивается? На что? Ветер дунет – свалится. Рану увидит – ахи, охи, дурно, воды! На кой шут лезут, спрашивается? Вот сестра Есипова, примерно, от тифозного заразилась, не могла уберечь себя... Все по недоглядке, конечно... Теперь умирает, вследствие этого... А оттого, что светская, к примеру сказать, девица, на лебяжьем пуховике выросла... Папаша полковой командир, жилось хорошо, привольно, – нет, в общину захотелось...

И долго еще сестра Клементьева (так звали черноватую, с цыганскими глазами, женщину) продолжала свои укоры.

– Видите ли, мало ей всего этого довольства: в общину пожелала... Ну, вот и расплачивайся! Эх-ма! Тоненькая, ветер дунет – свалится, тальца в два обхвата, лицо – как платок... И не одна она... Другие то же... Ни здоровья, ни сил, а туда же служить людям на пользу рвутся... А какая польза, спрашивается, от них? Сидели бы дома у мамашиной юбки, куда как хорошо: в два часа вставать с постели, прогуливаться по набережной до пяти, в этакой шляпе, в виде корзины опрокинутой, с перьями, что твой парус, а там придти да с

французским романчиком на кушетке полеживать. Куда как приятно! Да!..

Черноглазая женщина говорила все громче и громче. Если в начале ее речи у Нюты могло явиться какое-либо сомнение, то теперь этого сомнения быть уже не могло: слова черноглазой предназначались ей и только ей. Вся кровь бросилась в голову девушки. К горлу подкатился нервный клубок спазм, глаза обожгло слезами. Она быстро повернулась всем корпусом налево; два цыганские, иссиня-черные глаза с явным недоброжелательством впились в нее. Смуглое рябоватое лицо женщины улыбалось ей, Нюте, вызывающе, недоброжелательно.

Эти глаза, эта улыбка как бы ударили ее. Пристально, остро взглянула она в вызывающе улыбающееся лицо черноглазой смуглянки и просто и громко, так что все окружавшие их сестры могли слышать ее, спросила:

– Вы это обо мне говорите?..

Цыганские глаза на мгновение скрылись в полосах ресниц. Потом широко раскрылись снова, и откровенно, уже усмехнувшись в лицо Нюты, женщина проговорила:

– Не о вас в частности я говорила, а о всех тех белоручках, что поступают в общину отнимать труд и хлеб от других...

Нюта побледнела, смутилась, но ненадолго. Внимательным взором оглянула она ближайших соседок по столу. Они молча смотрели на нее, и вернее, не на нее, а на ее чересчур модный, рассчитанный на эффект, костюм, на ее тонень-

кую, изящную, миниатюрную фигурку и на белые выхоленные руки, с розовыми, тщательно отполированными, ногтями. Особенно на руки, на ногти, розовые, нежные и такие изящные, непривычные для глаз сестер. И показалось ли это Нюте, или нет, но одна из напротив сидевших наклонилась к плечу своей соседки и проговорила довольно громко – «Ловко отделала сестра Клементьева институточку нашу и – поделом... Не лезь в общину... Белоручкам здесь не место», – также шепотом, со злой усмешкою, отвечала соседка.

А цыганские глаза, между тем, все смотрели и смеялись, смеялись и смотрели явным недоброжелательным взглядом прямо в глаза Нюте. Вся бледная, она сидела под этим взглядом, как на горячих углях.

Подле нее Розочка оживленно шепталась о чем-то с сестрой Юматовой, и обе они, казалось, забыли о ней, Нюте. Другие сестры сосредоточенно занимались едою, торопясь покончить с обедом, как с ненужной и праздной вещью, чтобы снова поспешить к своим делам. Иные вскользь поглядывали на Нюту с холодным любопытством, другие – с участливым соболезнованием, третьи – с явным недоброжелательством, как и ее черноглазый недруг. От этих взглядов, беглых и безучастных, лицо Нюты то пылало ярким румянцем, то бледнело и снова вспыхивало, как кумач.

Вдруг чья-то пухлая, мягкая рука тяжело опустилась на плечо Нюты, и она почувствовала приближение кого-то сильного, большого у себя за спиной.

– Что это, сестра Клементьева, вы запугали совсем нашу барышню, – услышала над своим ухом Нюта знакомый низкий бас Кононовой, – небось, еще может статья, в деле-то она и нас с вами проворством да ловкостью своей за пояс заткнет. Вы по наружности не судите, сестрица... Видала я таких-то: с виду хлябенькая, в чем только душа держится, а в амбулатории, либо в бараке, на дежурстве – молния, так и носится всюду поспекает... Смотреть любо... Ей Богу!.. Господь с ними! Не сестра, а клад!

Умиротворяющим бальзамом, небесной музыкой звучали слова эти в ушах Нюты. Каждый звук мужицкого грубоватого голоса сестры Кононовой падал каплей врачующего лекарства на душу девушки.

– «О, милая! Милая! Спасибо тебе, спасибо!» – мысленно твердила Нюта, делая невероятное усилие над собою, чтобы не расплакаться навзрыд.

Она не помнила, как встали из-за стола сестры, как прочли послеобеденную молитву, как вышли все и она вместе со всеми, из столовой.

Опомнилась она только в своей комнате, где горела та же электрическая лампа под красным абажуром и где веяло уютom и теплом. Она сидела на диване между Юматовой и Розановой, и Розочка своим детским голосом рассказывала ей:

– Завтра вам дадут казенные тряпки, полотно для платьев и передников, коленкор и прочую гадость. Надо шить

самой, но так как вы пить именно не «горазды» (это любимое выражение нашей Кононихи, заметьте!), то наша Дуняша, девушка-прислуга, стяпает-сляпает вам всю эту музыку в какие-нибудь два дня за три целкача, не больше. И в швах не разлезется. Чинно, благородно, все как следует быть. Со всем, как в свете. За три императора только... А потом, сегодня вы, душенька, в аудиторию не ходите. Козел Козлович и без вас сумеет напичкать головы наших курсисток всякой ученой мудростью.

Вы устали. Возьмите лучше у Лели, т. е. я хотела сказать у сестры Юматовой, какую-нибудь душеспасительную книжку и почитайте, пособиеритесь с мыслями... А после вечернего чая и на боковую... Да. Ну, кажется, все сказала, что надо, а теперь извините меня. Я должна задать храповицкого. Впереди – бессонная ночь.

И сестра-девочка грациозным движением соскользнула с дивана, чмокнула мимоходом задумчиво сидевшую Юматову и кошечкой подобралась к своей постели. Через минуту, крикнув тоном избалованного ребенка – «Лелечка, закрой мне ноги пледом», – она уже крепко спала, подложив маленькую ладонь под свою кудрявую голову.

Теперь она казалась более чем когда-либо мирно спящим ребенком. Пухлые щечки ее разгорелись во сне. Пушистые ресницы падали на них мягкой тенью. Ее ямочки улыбались, а полуоткрытый рот что-то беззвучно шептал.

Нюта не без удивления смотрела на спящую, невольно

поддавшись очарованию, производимому на всех и каждого этим прелестным ребенком-девушкой.

– Не правда ли, как она мила? – обратилась к ней, заметив ее взгляд, Юматова и тут же заговорила, не дожидаясь ее ответа:

– Розочка общая любимица здесь... Но вы не думайте, что ее любят за счастливую внешность, за миловидность и красоту.

– Розочку любят не за счастливую внешность, не за миловидность, – продолжала Юматова. – О, нет! Правда, Розочка, Самая молоденькая из сестер – ей едва минуло восемнадцать лет – и самая прелестная. По своему характеру она дитя, а по виду – очаровательный беспечный мотылек, а между тем, видели бы вы этого мотылька в деле, на работе! Мало того, что она готова дни и ночи ухаживать за больными, не имея ни минуты отдыха: она умеет одним своим весельем, жизнерадостным видом вдохнуть силу и бодрость духа самым трудным больным. Капризная, шаловливая, взбалмошная в частной жизни, она олицетворение кротости и терпения в бараке... Самое поступление ее в общину окружено дымкой ореола. У Розочки есть родители. Она дочь военного. Девочка с самого раннего детства какою-то фанатической любовью любила своего отца, как-то болезненно-чутко, до обожания. И вот, когда разгорелась русско-японская война, отец Кати, капитан Розанов, должен был идти со своим полком на Дальний Восток. Он командовал ротой в самом жарком

деле и его ранили опасно. И тут... Розочка дала обет Богу отдать свою молодую жизнь на служение страдающему человечеству в случае, если выздоровеет ее отец. Розанов выжил, а его дочь, имея всего шестнадцать лет от роду, поступила к нам, в общину сестер милосердия. Ну, вот вы и знаете теперь кто такая наша Розочка, – не без гордости заключила сестра Юматова свой рассказ. Затем помолчав с минуту, она проговорила снова:

– Если бы вы знали, как трудно бедной девочке, такой живой, огневой, кипучей, привыкать к педантично-суровому строю нашей жизни... Мелочи допекают Розочку... Характер у нее буйный, непокорный, а сердечко – чистое золото, Попадает ей от начальства, что и говорить. Зато работой своей все искупает Розочка. Поживете, увидите, что это за чудесный маленький человечек.

Легкий стук в дверь прервал сестру.

– Войдите! – поспешила сказать Юматова и машинально оправила на голове косынку.

– Ольга Павловна зовет сестру Трудову, новенькую, на медицинский осмотр, – проговорила дежурная сестра, останавливаясь на пороге.

– Идите с Богом, душенька! – ласково отпустила Нюту Юматова.

Нюта вышла вслед за рыженькой сестрой.

В эту ночь плохо спалось Нюте. Как в калейдоскопе, чередовались события в ее, усталой от смены впечатлений пережитого дня, голове.

С каким ужасом вспоминалась сцена в приемном покое, когда два доктора в присутствии начальницы и рыженькой сестры тщательно выстукивали, выслушивали ее, смотрели глаза, десны, пробовали ее мускулы, испытывали нервы.

Бледная, испуганная предчувствием того, что ее должны будут забраковать, забраковать во что бы то ни стало, Нюта, как к смерти приговоренная, машинально исполняла все, что требовалось от нее, едва переводя дыхание, точно стараясь не дышать.

– Ну, что? – коротко осведомилась Ольга Павловна у старшего из докторов, уже знакомого Нюте Козлова.

И сердце Нюты перестало биться в ожидании его ответа...

– А то, что барышня наша здоровей всех нас троих, взятых вместе, даром что жидка и хрупка на вид, – с довольной улыбкой произнес тот, потирая руки.

– Замечательно крепкий, по-видимому, субъект, – вставил свое слово его молодой помощник, черненький, тоненький, гладко и тщательно причесанный человек, в черепаховом пенсне, с небольшими усиками, закрученными в струнку, – «Семечка» по прозвищу, в действительности же доктор

Семенов.

– Ну, и слава Богу... Завтра к шести пожалуйста в аудиторию ко мне на съедение, вновь испеченная сестрица, – довольным голосом сказал ей тут же Козлов. – Вы как насчет анатомии, гигиены и прочей, подобной им, мудрости? А?

Но Ньюта от охватившей ее радости, что она не забракована, принята в состав общины, не могла выговорить ни слова.

Эта радость заполонила ее всю.

И весь вечер эта радость доминировала над ее душой. Она же не давала ей задремать, уснуть и сейчас, когда все общежитие погрузилось в сон, столь желанный, сладкий и недолгий для утомленных, измученных за день работы, тружениц-сестер.

Принята!.. Желание исполнено!.. Теперь только силы. «Господи, пошли мне силы справиться с моей задачей, оправдать доверие начальницы, докторов!..» – мысленно шепчет Ньюта и вдруг, вся бледная, обливаясь потом, сразу садится на постели.

А паспорт? А чужое имя? А ее проступок перед людьми и законом? Что с нею станется, если кто-либо узнает о том, что она, Ньюта, обменялась паспортом с Мариной Трудовой, слушательницей педагогических курсов, и выдает себя за эту Трудову. Ведь это преступление, подлог!

Дыхание сперлось в грудь девушки, когда она вспомнила обо всем этом.

Правда, она паспортом обменялась на время только, на

какой-нибудь год. И все таки это обман. Но иначе она поступить не могла. Приди она, Нюта Вербина, в общину под своим собственным именем, генеральша Махрушина отыскала бы ее сразу и вернула обратно домой. О, вернула бы, бесспорно, наверно!

Когда Нюта просила неоднократно отпустить ее в сельские учительницы, в сестры, или на фельдшерские курсы, tante Sophie приходила в ужас, кричала на нее, плакала, впадала в истерику и упрекала Нюту в неблагодарности, говоря, что она таким поступком опозорит ее, Жени и весь дом.

И Нюта терпела, терпела, ожидая подходящего случая, чтобы уйти. Слишком прочно запали в ее душу добрые семена, посеянные с детства ее матерью и бабушкой, чтобы она могла отрешиться от своей заманчивой и прекрасной цели – посвятить себя всю какому-нибудь большому, самоотверженному делу, как это сделала ее мать. И она решилась.

Случай представился.

Марина Трудова, единственная приятельница Нюты, из знакомых генеральши Махрушиной, с которой она сумела сойтись, как раз в это время бросала курсы и уезжала на родину в деревню, к больному отцу-помещику, нуждавшемуся в тщательном за собою уходе. И Марина, зная заветные мечты Нюты и ее горячее желание поступить в сестры милосердия, предложила ей обменяться паспортами потихоньку от всех.

– Если вы не можете поступить в сестры милосердия под

вашею фамилиею, возьмите на время мою. Назовитесь Мариной Трудовой. Это так просто. А чтобы не было сомнения, я вам передам мой паспорт. Вот вы и поступите в общину под моим именем, привыкнете, подучитесь. Мне паспорт совершенно не нужен в нашей глуши, где и становой-то по два раза в год; едва бывает. Да я возьму ваш, на всякий случай, в дорогу... Это даст вам возможность достигнуть вашей цели... Ведь никто же не узнает... А станете сестрой милосердия – милости прошу к нам. У нас в тридцати верстах есть село с больницей. Вы сначала к нам, а там мы с папочкой вас в больницу и пристроим. Разумеется, под вашим настоящим именем. Не правда ли, хорошо придумано, милая Нюта?

Но Нютина совесть говорила иное... Все было далеко не так хорошо, как это рисовала ей беспечная Марина. Пахло преступлением, подлогом, обманом, за который строго карает закон. Но выбора другого не было. И невольно приходилось принять опасный совет Марины...

Долго не могла уснуть в эту ночь Нюта. А когда, наконец, желанный сон сомкнул отяжелевшие веки, черный гнетущий кошмар чудовищным рядом видений опутал ослабевшее существо девушки, давя, терзая ее во сне. Чудились страшные сумбурные вещи. Какие-то огромные не то комнаты, не то катакомбы, по ним скользили серые призраки в белых козынках и, жутко лязгая зубами, что-то шипели, как змеи.

Ольга Павловна Шубина в одежде полицейского чина шла к ней и издали кричала:

– Где ваш паспорт, Анна Вербина? Где ваши документы? Подайте их сюда! Сию же минуту сюда!..

И чудовища шипели снова:

«Она не Трудова, нет, нет! А за это мы ее разорвем на части».

И с диким воплем и, скрежетом они ринулись на нее.

Обливаясь потом, с замершим на губах криком, Нюта проснулась.

В комнату пробирался промозглый, хмурый рассвет, уродливого осеннего утра. В головах Нюты, сладко и громко похрапывая, спала Кононова, раскинув вдоль кровати свои широкие рабочие мозолистые руки.

Против нее, через комнату, лежала и, казалось, дремала бледная Юматова. Густая черная коса молодой женщины свесилась до полу. Она дышала трепетно и нервно. Посреди комнаты стояла Розочка в коротенькой нижней юбочке, делавшей ее похожей на подростка. Обычно розовое личико ее было сейчас бледно. Глаза, не то рассеянно, не то задумчиво, вперились в угол комнаты, где у группы иконок-складней теплилась розовая лампада.

Услыша, что Нюта шевелится на своей постели, хрустя пружинами матраца, она улыбнулась ей нехотя бледной улыбкой и кивнула головой.

– Что вы так рано? Спите. Еще шесть часов только. Вас разбудят ровно через час.

– Не спится... И сон ужасный видела... Ну, что ваша боль-

ная? Сестра Есипова, кажется? – внезапно вспомнив, спросила Нюта.

Розочка отвела глаза от Нюты. По ее красивому личику пробежала тень... Губы дрогнули... Она опустила голову на грудь и тихо, чуть слышно, прошептала:

– Сегодня... в четыре утра... сестра Наташа Есипова скончалась... Ужасно!.. Ужасно!..

И закрыв лицо своими детскими ручонками, как сноп упала на постель...

ГЛАВА VII

Новенькую сестру Трудову зовут в амбулаторию внутреннего приема, на помощь сестрам Клементьевой, Кононовой и Двоепольской, – услышала Нюта звонкий голос позади себя.

Она живо обернулась. Перед нею стояла плотная широкоплечая сестра с простоватым некрасивым лицом и пухлыми щеками.

– Я – Снуркова, познакомимся, – наскоро пророннула она. – Вот вам халат. Надевайте поверх платья... Эх, беда, вы еще не в казенном платье, – досадливо и морщилась она.

– Еще не сшито, – как бы извиняясь, смущенно произнесла Нюта.

– Ну, это неважно. Но вот что: у вас суконное платье. Жаль. Не гигиенично. К шерсти-то пристает скорее всякая зараза, грязь. Впрочем на нет и суда нет. Давайте я застегну вам халат сзади, сестрица. Да косынку повяжите, не то от шубы нашей... тьфу, я хотела сказать от Ольги Павловны... как раз влетит.

Сестра вспыхнула, улыбнулась и показала прекрасные белые крупные миндалины зубов. Эта улыбка сразу скрасила и смягчила непривлекательную внешность Снурковой.

– Ну, идемте... Да вы завтракали? – спохватившись спросила она.

– Да.

Нюта вспомнила, как она, ссылаясь на отсутствие аппетита, отказалась только что от нескольких горячих картофелин с маслом и селедкой, которые подавались за столом в 12 часов, к немалому неудовольствию сестры-экономки, проворчавшей что-то о французской кухне и поварях.

В полутемном амбулаторном коридоре сестра наскоро забрасывала шагавшую подле нее Нюту отрывистыми фразами.

– Ната Есипова умерла... Слышали?.. Славная была девушка... сердечная... Заразилась от тифозного больного... Бог знает, зачем судьбе понадобилась эта смерть... Ее вся община любила... Как Розочку... Милая девушка... И что мы теперь Бельской скажем... Не уберегли Наташи. Эх!..

– Кто это Бельская? Попечительница, да? – поинтересовалась Нюта.

– Бельская-то? Неужто вам никто еще про Бельскую не говорил?

– Нет.

– Ах, ты, Господи! Да ведь Ольга Бельская восьмое чудо мира. Героиня в полном смысле слова и друг закадычный покойной Наташи... Сейчас она в дальней командировке. С часу на час ожидается назад. Ну, вот мы и пришли, однако... Входите смело и Бог вам в помощь, сестра.

Спутница Нюты распахнула стеклянную дверь, и девушки сразу очутились в огромной светлой комнате посреди гудящей толпы народа.

В первую минуту глаза Нюты разбежались. От гула и шума, наполнявших амбулаторию, у нее закружилась голова, руки бессильно опустились вдоль тела. Невольная растерянность охватила Нюту. Сопровождавшая ее Снуркова затерялась сразу в толпе, и Нюта почувствовала себя здесь всем чуждой, лишней, беспомощной, одинокой. Она растерянно оглядела окружавшую ее толпу.

Казалось, вся петербургская беднота сбежалась сюда, в эту светлую, чисто выбеленную комнату, с серым каменным полом, обильно политым дезинфицирующим средством, предохранителем от заразы. Это дезинфицирующее средство терпким, неприятным запахом ударило в нос и чуть кружило голову.

Больные стояли, больные сидели на лавках, больные беспокойно сновали взад и вперед. Тут были старики и старухи, молодые и пожилые люди, девушки и женщины. Были и дети. Отставные солдаты, мелкие уличные торговцы, прислуга, фабричные рабочие, извозчики, нищие, торговки-мещанки, бродяги. Кого-кого только не увидела здесь Нюта! У каждого в руках был занумерованный билетик, выдаваемый молоденькой сестрой.

Особенно бросился в глаза Нюте один посетитель, не совсем обыкновенный среди всей этой сплошной бедноты.

Это был мальчик-итальянец, оборванный, лохматый и грязный, с ручной шарманкой на спине, лет десяти. Его лицо, главным образом, поразило Нюту. Такие лица редко

встречаются в жизни. Их можно только, пожалуй, увидеть на старинных картинах итальянских мастеров. Каждая черточка жила и говорила в этом, поистине прекрасном, лице. Иссиня-черные кудри обрамляли живописной рамкой пылающие лихорадочным румянцем правильные, без единого промаха, точно изваянные, черты. Черные глаза, огромные, лукавые и мечтательные в одно и то же время, казалось, отразили всю прелесть знойного итальянского юга.

Мальчик, по-видимому, страдал. С бессознательной, так свойственной его народу, грацией он прислонился плечом к стене и с усилием сжимал отбивающие дробь озноба крупные белые зубы.

– Бедняжка, как он болен! – пронеслось в мыслях Нюты, и она уже направилась в сторону мальчика, чтобы предложить ему сесть на освободившееся позади него место, как неожиданный резкий окрик заставил Нюту вздрогнуть всем телом.

– Так вот зачем вы явились сюда, сестрица!.. Чтобы любоваться непривычной вам обстановкой! Позвольте вас спросить, что вы в театр или цирк явились или для дела? Могли бы не приходить... Это было бы много целесообразнее, сестра, нежели стоять так-то, разиня рот и опустив руки.

Хлестко, больно, падало слово за словом на опущенную голову Нюты. Цыганские глаза сестры Клементьевой прожигали, казалось, насквозь смущенно поникшую фигурку девушки.

Видя это смущение, эту покорную позу и испуганное ли-

цо, сестра Клементьева смягчилась.

– Ну, ладно, нечего киснуть... Вы на меня не претендуйте, барышня, – несколько спокойнее заговорила она. – Ужасно не люблю белоручек. Идите за мной. Вон наш хирург доктор Аврельский лубки накладывает... Там вы нужны, ступайте... Снесите ему эти бинты, марлю и вату.

И она слегка подтолкнула Нюту в сторону невысокого, худощавого старика, желчного вида, с реденькими бачками по обе стороны сердито-нахмуренного, морщинистого лица, суетившегося подле бледного как смерть человека, полулежавшего на скамье, с обнаженной вспухшей и посиневшей ниже колена ногой.

Увидев подошедшую Нюту и не обратив никакого внимания на новое незнакомое для него лицо, хирург кратко и резко приказал девушке, как будто знал ее Бог знает сколько времени и уже давно-предавно работал с нею:

– Ага! бинты принесли?. Давайте... Да подержите ногу. Вот беспокойный объект попался... Дергается невозможно... Нельзя работать... Держите.

Нюта покорно опустилась на колени и осторожно коснулась руками распухшей ноги больного.

С губ последнего вырвался пронзительный вой.

– Больно... матушка-сестрица, ой, силушки моей нет, больно!.. Ой, смерть моя пришла!

Нюта, так храбро было приступившая к делу, при первых же звуках этого неожиданного вопля, живо отдернула руку,

точно обжегшись у огня.

– Это что такое?! – вспыхнул Аврельский, – да что вы шутики сюда пришли шутить, барышня, либо делать дело... Нежности какие! Держите ногу, вам говорят! А ты не кричи, голубчик, – сразу меняя тон на более мягкий и гуманный, обратился к больному врач;– знаю, что больно, без этого нельзя никак обойтись... А ты возьми себе в толк, братец: здесь вас до шестисот набралось, и если все вы орать начнете, будет, братец ты мой, не амбулатория, а базар. Так, сделай милость, уж воздержись маленько... А вы, сестрица, держите ногу крепко, не бойтесь. Поняли?

И – странно! – что-то словно ударило в эту минуту в самое сердце Нюты. И удар этот прошел магическим током по всему ее существу. Прежняя Нюта точно исчезла, скрылась, провалилась сквозь землю, а на месте ее появилась новая Нюта, и не Нюта даже, а сестра Марина Трудова, принявшая свое первое боевое крещение в этот слезный, хмурый, осенний день.

Эта Марина Трудова держала теперь ногу больного, не обращая внимания на стоны и вопли мужика, затягивала концы марли, сдерживавшей лубки у щиколотки, потом подавала лекарство, отсчитывала капли успокоительного средства для особенно нервничавших больных.

– Сестра Трудова, сюда! – кричала Клементьева с противоположного конца приема, и Нюта стремглав летела на ее зов.

Цыганские глаза старшей сестры разгорелись, лицо багрово пылало, темные, сросшиеся брови хмурились сурово.

– Скорее! Скорее шевелитесь, сестра! – торопила она Нюту, и та как вкопанная останавливалась перед нею.

– Вот, разденьте мне этого ребенка. Нужно осмотреть... – коротко приказала она, передавая Нюте сверток какого-то грязного ветхого тряпья, из глубины которого раздавался чуть слышный писк, похожий скорее не на детский плач, а на мяуканье больного котенка.

Нюта, в детстве помогавшая матери лечить больных деревенских ребятишек, быстро и ловко справилась со своей задачей. Через две-три минуты на лавке перед сестрой лежал голенький трехмесячный ребенок, беспомощно махая в воздухе крошечными ручонками и неумолчно вытягивая свое бесконечное «Уа, уа, уа».

Под мышкой у ребенка зияла большая нагноившаяся рана.

Увидев эту рану, сестра Клементьева ахнула и целый поток негодования и упреков полился из ее уст.

– Злодеи! Изверги! Каменные души! – кричала она, сверкая глазами. – Сгноили ребенка. Душеньку неповинную загубили зря... Да вас за это!.. Ты что это натворила, а?! Да как ты могла, как смела запустить болезнь, а? Да о чем ты раньше думала!? – неожиданно накинулась она на дрожащую перед ней, испуганную молодую бабенку, в клетчатом платке, принесшую ребенка.

– Да мы, сестрица... мы, сестрица, – растерянно бормотала бабенка, – беднота у нас, конечно... Мы...

– Беднота... а, беднота! – не слушая ее снова кричала Клементьева, – а ноги у тебя есть?.. Ноги, говорю, тебе от Бога зачем даны... а? Не могла сюда дитячко раньше принести, показать?.. Зачем ждала, запустила?.. Сестра Трудова, обмойте рану, вот сулема в цилиндре, вата в коробке... Да руки сами вымойте предварительно сулемой. Готово будет, доктора Семенова зовите, Аврельскому некогда... и не добраться до него...

Последние слова старшей по приему сестры уже застали Нюту за делом. Она тщательно обмывала рану ребенка, потом бежала за Семеновым («Семечкой», как его прозвали в общине), какую-то мазью обмазывала ранку больного малютки и бинтовала ее.

Едва успела она справиться с этим, как густой, низкий бас Кононовой раздался за ее плечами:

– Сестрица, № 127 вызовите, термометр ему поставьте... Да придержите термометр-то сами, мальчишка обессилел совсем, валится с ног.

Через минуту нежный голос Нюты прозвучал высокой, звенящей нотой на всю приемную – Номер сто двадцать седьмой!

В следующее же мгновенье перед нею стоял красивый, маленький итальянец, с пылающим от жара лицом и нестерпимо горящими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.